

ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ СТРАН ПРИБАЛТИКИ: ОБЩЕЕ И ОСОБЕННОЕ

В. А. Смирнов

Институт Европы РАН,
125009, Россия, Москва, ул. Моховая, 11/3

Поступила в редакцию 06.06.2020 г.
doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-2
© Смирнов В.А., 2020

Исследованы особенности и тенденции трансформации властных групп и их роль в политической жизни обществ стран Прибалтики. Проанализированы структурно-функциональные изменения в составе политических элит стран Прибалтики в период после провозглашения независимости. Выделены общие и особенные черты трансформации элит в Латвии, Литве и Эстонии. Процесс изменений в структуре властных групп вписан в субрегиональный масштаб с учетом актуального российско-прибалтийского политического взаимодействия. Автор использовал количественные методы анализа для выявления основных тенденций в процессе смены каналов и механизмов элитного рекрутирования. Изучение хода и результатов перемен властных групп проведено на основе рассмотрения масштабных социально-политических трансформаций наряду с анализом индивидуальных практик. Комплексное исследование трансформации политических элит малых стран, к которым относятся страны Прибалтики, предполагает рассмотрение как внутри-, так и внешнеполитического аспекта. Выдвинут тезис о том, что, несмотря на ряд различий в странах Прибалтики, с 1990-х годов происходили схожие процессы трансформации политических элит, становление которых обусловлено принципом государственного континуитета как преемственности с довоенными режимами Латвии, Литвы и Эстонии и разрывом с советским прошлым. Результатом борьбы элит за власть в 1990-е годы стало закрепление в обществах стран Прибалтики глубоких расколов — этнических, языковых, политических, которые ограничивают конкуренцию властных групп и способность политических систем к обновлению. После реализации идеи «возвращения в Европу» элиты стран Прибалтики заменили ее «российской угрозой», что позволило отложить преодоление внутренних расколов, чреватых ослаблением их власти.

Ключевые слова:

элиты, властные группы, страны Прибалтики, Латвия, Литва, Эстония, трансформация, Россия

Актуальность исследования

В условиях, когда внутренняя политика все больше зависит от внешней, политические элиты сталкиваются с рядом вызовов: кризис собственной легитимности и ослабление вертикальной интеграции, усложнение механизмов управления и размывание роли представительных институтов [21]. В этом смысле отдельный интерес представляет опыт стран Прибалтики.

Латвия, Литва и Эстония — единственные из бывших советских республик, властные группы которых в рамках глубоких и подчас болезненных трансформа-

Для цитирования: Смирнов В. А. Трансформация политических элит стран Прибалтики: общее и особенное // Балтийский регион. 2020. Т. 12, № 3. С. 26–39. doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-2.

ций реализовали переход от «восточной» к «западной» политико-экономической модели, добились присоединения к основным евроатлантическим интеграционным форматам. Их «возвращение на Запад» (для переломных 1990-х годов был характерен лозунг «Назад в Европу») сопровождалось всплеском националистических настроений, демонтажем советских органов власти, созданием обновленной структуры управления, нарастанием социальной фрагментации на фоне сложных реформ, отказом от политики нейтралитета, ослаблением связей с Россией и т. д.

Определение понятия политических элит

При определении понятия политических элит автор придерживается структурно-функционального подхода, разработанного, в частности, Х. Бестом (Германия) и Дж. Хигли (США) [3], О.В. Гаман-Голутвиной (Россия) [20].

Дж. Хигли трактует элиты как личности и небольшие группы людей, которые, благодаря преимуществу своего стратегического положения в крупных организациях, можно считать ведущими на основании каких-либо иных признаков и способными оказывать постоянное и значительное влияние на политические результаты. Дж. Хигли говорит об отнесении к элите и тех, кто, не обладая формальной принадлежностью к правящему меньшинству, способен тем не менее влиять на принимаемые решения и является частью «контрэлиты» [5]. Представляется, что данный подход чрезмерно расширяет границы элиты, делает их рыхлыми и трудно определяемыми. Следует согласиться с идеей Дж. Хигли о том, что элитой можно назвать тех, кто занимает стратегически важные командные высоты. Однако отнесение к их числу и «контрэлиты» (общественные деятели, диссиденты и т. д.) представляется малопродуктивным. В этом смысле более проработана идея Х. Беста и Дж. Хигли об «узком внутреннем круге» элиты, члены которого контролируют различные государственные функции и иные властные сегменты [2, р. 7], хотя эта идея и создает условия для другой крайности: чрезмерного сужения элитной группы до нескольких десятков человек или даже единичных персон.

О.В. Гаман-Голутвина указывает, что политическую элиту правомерно определить как внутренне сплоченную, составляющую меньшинство общества социальную группу, являющуюся субъектом подготовки и принятия важнейших стратегических решений и обладающую необходимым для этого ресурсным потенциалом. При этом ученый делает акцент на том, что существующая в реальности множественность властных групп и фракций не противоречит представлению о внутренней интегрированности элиты [19].

Данное определение политических элит целесообразно уточнить — учесть критерий непосредственного доступа элиты к воздействию на систему органов государственной власти. Небольшие группы людей, занимающие значимые позиции, уместно относить к политической элите постольку, поскольку обладание указанными позициями предоставляет им не только необходимый ресурсный потенциал, но и возможность систематически и значительно воздействовать в своих интересах на институты государственной власти и в целом на главный институт — государство. Этот подход к определению политической элиты можно назвать государственноцентричным, подчеркивающим неразрывную связь властных групп с государством.

Таким образом, автор определяет политические элиты как группы лиц, контролирующие с помощью формальных и неформальных практик принятие и исполнение системой органов государственной власти ключевых политических решений. Различные социально-политические группы, не имеющие значительного прямого воздействия на систему органов госвласти, не входят в категорию элиты, что не исключает их возможностей косвенно влиять на политические процессы.

Позиционный подход в изучении элит

Для получения ценной с научной точки зрения информации о механизмах, каналах и тенденциях становления властных групп применен позиционный подход, который ставит степень влияния на политические процессы того или иного лица в зависимости от занимаемой им позиции во властной иерархии. Классическим примером такого рода анализа является работа Р. Миллса «Властвующая элита»: рассмотрев политические, экономические и военные властные группы, американский специалист пришел к выводу о наличии одной, тесно связанной элиты [26]. Разумеется, политическая наука не стояла на месте, и впоследствии были предложены иные подходы — репутационный (Ф. Хантер) и десизионный (Р. Даль). Тем не менее позиционный подход по-прежнему остается информативным способом анализа в первую очередь структурно-функциональных изменений политических элит. Дополнительно для уточнения получаемых данных вводится биографическое измерение. Это позволяет отслеживать профессиональный опыт представителей властных групп, выявлять точки их карьерных пересечений, определять границы различных властных фракций (объединенных в силу тех или иных причин) и т.д.

Такой анализ нацелен на измерение основных параметров структурных изменений властных групп, дает возможность количественно охарактеризовать в динамике положение отдельных членов политической элиты, провести сопоставления на более обширном эмпирическом материале¹. Позиционный подход применялся для изучения трансформаций элитогенеза в странах Восточной Европы как на старте постсоветских трансформаций [15], так и спустя десятилетия [6].

С целью количественного анализа политических элит использованы данные из открытых источников о карьерных траекториях 886 политических деятелей Латвии, Литвы и Эстонии, из них 252 — от Литвы, 271 — от Эстонии и 363 — от Латвии (в латвийском случае — большее количество учтенных парламентских электоральных циклов: девять вместо семи в Литве и восьми в Эстонии), около 53% — представители парламентов, 40% — правительств, 7% — президенты и их советники. Применены специальные «фильтры» («не менее одного года на министерской позиции», «не менее двух сроков в качестве депутата парламента» и т.д.), позволяющие отсеять нерелевантных политических деятелей.

Элитное рекрутирование в новых условиях

С усложнением социального устройства в странах Прибалтики менялся и состав их политических элит. Были подорваны позиции экс-номенклатуры. Обострилось соперничество между кадрами, вышедшими из советской партийно-управленческой системы. В новых условиях они конкурировали не только со вчерашними коллегами, но и с иными претендентами на власть: с кандидатами от интеллигенции, бизнеса, зарубежных эмигрантских общин. Сочетание представителей четырех данных групп определяло структурную динамику политических элит. От выборов к выборам состав элит менялся, появлялись и распадались властные коалиции, создавались и исчезали партии и движения, разгорались политические кризисы, одни лидеры сменяли других.

¹ «Характеристики бассейна рекрутирования и политических карьер могут служить важным показателем структуры социальной и политической власти, которая лежит в основе элитного рекрутирования, особенностей общественно-политической системы, в рамках которой элита формируется и функционирует» [17, с. 25].

Подтверждением глубинных сдвигов в системе элитного рекрутирования стало изменение такой характеристики членов властных групп, как возраст. Средний возраст членов ЦК КПСС в 1981 году достигал 67 лет, постепенно снизился до 61 года в 1986 году и до 56 лет в 1991-м. Возрастная структура властных групп стран Прибалтики концу 1990-х годов существенно изменилась. Средний возраст политической элиты Эстонии составлял 43 года, Латвии и Литвы — 46 лет. Доля тех, кто занимал высшие управленческие должности в бюрократической системе в возрасте 22—44 лет, в Эстонии была 52%, в Литве — 50%, в Латвии — 37%. Средний возраст депутатов первых всенародно избранных парламентов в Литве составлял 50,8 лет, в Латвии — 45,3 года и в Эстонии — 43,3 года [11].

В первое десятилетие после обретения независимости оформилась четырехставная структура элит стран Прибалтики: «политики морали», экс-номенклатура, выходцы из зарубежных диаспор и представители бизнеса. Такая конфигурация, сочетающая элементы властных групп старого и нового времени, отражала противоречивую атмосферу ранних постсоветских перемен, демонтажа прежних каналов и механизмов рекрутирования элит и их постепенного переформатирования в новых политических условиях. Процесс трансформации властных групп в странах Прибалтики набирал силу постепенно и зависел от многих факторов [31].

Латвия, Литва и Эстония демонстрировали схожие закономерности структурной динамики политических элит. Мощный приток творческой интеллигенции на старте независимости (количество «политиков морали» в первой половине 1990-х годов в странах Прибалтики превышало 55%²) через несколько лет сменился возрождением экс-номенклатуры.

И. Матоните утверждала, что страны Прибалтики не только унаследовали «искривления» советской социальной системы, но и самих коммунистов *in persona* [12]. Во многих случаях на смену «первым секретарям» пришли «инструкторы» — амбициозное молодое поколение, которое совершило первые шаги в советской системе иерархии в позднесоветский период, а в новых условиях увидело возможность улучшить свое положение путем подчеркивания ценности независимого национального государства³. Обильное рекрутирование кадров советского периода показало, что даже после масштабных политических встрясок элита не может быть создана с нуля. Вплоть до начала 2000-х годов в среднем до 40% властных групп Латвии, Литвы и Эстонии составляли представители старого режима⁴.

В свою очередь бизнесмены и выходцы из зарубежных латышских, литовских и эстонских диаспор (в основном из США, Канады, Германии и Швеции) образовали новые источники элитного рекрутирования. Представители коммерческого сектора с начала 2000 годов удерживают не менее 30% (в отдельные периоды свыше 40%) властных позиций в странах Прибалтики. Выходцев из зарубежных диаспор было

² Здесь и далее, если не указано иное, — расчеты автора.

³ По оценкам К. Антанайтиса, представители экс-номенклатуры составляли до 50 % в элите Литвы первых лет независимости [1, р. 92].

⁴ Имело это и внешнеполитические эффекты. Так, в 2004—2014 годах позиции еврокомиссаров от стран Прибалтики чаще других занимали (и удерживали два срока) представители властных групп, имевшие в своем политическом прошлом членство в Компартии: например, от Литвы — Д. Грибаускайте, от Латвии — А. Пиебалгс, от Эстонии — А. Ансип и С. Каллас. Л. Белинис характеризовал Д. Грибаускайте как «евробюрократа советской номенклатурной школы» [4]. «Умный мальчик с плохим характером» — так называли А. Ансипа, в советское время старательно исполнявшего поручения по партийной линии, а в новую эру ставшего расчетливым политическим тяжеловесом, который позволял себе игнорировать требования президента Т.Х. Ильвеса [14].

немного: в Латвии — 2,8%, в Литве — 4%, в Эстонии — 1,7%. Однако они, не имея численного превосходства, добились высших политических позиций и обрели статус опорного звена элитного рекрутирования, олицетворяя собой полный разрыв с советским периодом и стратегический курс на форсированную евроатлантическую интеграцию.

При схожих тенденциях трансформации элит каждая страна Прибалтики продемонстрировала особенности. Так, отличительная черта Эстонии — существенное «вымывание» экс-номенклатуры из состава властных групп: к настоящему времени их осталось в пределах 5% (почти вдвое меньше, чем в Литве и Латвии). В Литве отмечается больше представителей зарубежной диаспоры из США (в основном в периоды президентства В. Адамкуса в 1998—2003 и 2004—2009 годах): в президентском аппарате, в сфере международных отношений, обороны и безопасности. Присутствие бизнеса во властных группах наиболее характерно для Латвии, где на рубеже 2010-х годов предприниматели занимали до 60% позиций в кабинете министров и до 30% в парламенте.

Номенклатура уходит, бизнес остается

Четырехсоставная структура элит формировалась с учетом вызовов первых лет независимости. К настоящему времени существенное присутствие сохранил лишь бизнес, остальные сегменты постепенно «растворяются». Выходцы из коммерческих кругов, удерживая опорный статус на фоне ослабления других элитных фракций, содействовали укоренению неформальных практик внутриэлитного взаимодействия: теневых политических сделок, закулисных решений. Демократические институты в Латвии, Литве и Эстонии хрупки и в существенной мере зависимы от непрозрачных действий властных групп, подвержены влиянию бизнеса.

В каждой из стран Прибалтики это имеет свои проявления — «капитализм браганов» (Эстония) [23], «клан государственников» (Литва) [7], «выборы» президента олигархами в зоопарке Риги (Латвия) [13]. Практика соблюдения формальных политических правил в условиях системы юридической ненаказуемости персональных договоренностей остается значимым вызовом для элит стран Прибалтики, содействуя ослаблению доверия граждан к властным группам, нарастанию кризисных тенденций в сфере легитимности политических институтов в целом.

Активное рекрутирование бизнеса в элиты стран Прибалтики имело и другой эффект — продление политического долголетия представителей экс-номенклатуры. Стремясь сохраниться в новых условиях, они часто образывали блоки с «капитанами бизнеса», нередко и сами бывшие аппаратчики превращались в миллионеров, используя возможности приватизации либо выступая посредниками при передаче предприятий в частные руки. Мощный политический игрок Литвы Б. Лубис (бывший премьер-министр и влиятельный бизнесмен) или умело использовавший приватизацию дважды премьер-министр Латвии и чрезвычайно состоятельный по местным меркам бизнесмен А. Шкеле — их примеры иллюстрируют данный тезис. В Эстонии, по оценкам Н.М. Межевича, «модель отношений “политика — бизнес”» пытались строить как подражание «северной, или скандинавской, модели»: «Экссессы типа продажи рублевой массы в Чечню и перевозки оружия на пароме “Эстония” вызвали достаточно жесткую реакцию в компетентных структурах США и Европы. Именно после этих событий произошла ревизия внешних признаков сращивания политических элит и бизнеса, был успешно запущен PR-проект, рекламирующий правящую элиту в категориях традиционных национальных ценностей» [25, с. 176].

К настоящему времени экс-номенклатура, занимавшая руководящие посты вплоть до премьер-министра и президента, лидеров партий (преимущественно социал-демократической, центристской направленности), утрачивает свое значение. В условиях, когда коммунистическая идеология, а затем и прежний советский порядок в целом объявлены в странах Прибалтики вне закона, представители этого элитного сегмента в минувшие десятилетия были заняты, по сути, лишь вопросом собственного политического выживания. Их главным навыком стали политическая конъюнктурность, готовность к широким компромиссам, неожиданным коалициям и разнообразным политическим сделкам. Пытаясь избежать ошибок, они с осторожностью подходили к ключевым вопросам внешней политики и безопасности, больше концентрируясь на нейтральных темах торговли, экономики, социального обеспечения. Это позволяло выступать с прагматичными, более понятными избирателям установками, но в то же время ставило таких политиков в ведомую позицию, приглушало их влияние и не гарантировало иммунитета от давления со стороны политических оппонентов⁵. Кроме того, такой подход контрастировал с ролью «политиков морали» и выходцев из зарубежных диаспор, с самого начала имевших амбиции архитекторов новых политических режимов стран Прибалтики.

«Встраивание» в политическую элиту постсоветских Латвии, Литвы и Эстонии происходило в основном с социал-демократических, центристских позиций. Представители КПСС сумели в новое время «сохраниться» не только на депутатском, министерском уровнях, но и на президентском: в Латвии — Г. Улманис и А. Берзиньш, в Литве — А. Бразаускас и Д. Грибаускайте, в Эстонии — А. Рюйтель. Вместе с тем спектр их политических возможностей был существенно сужен и, по сути, вписан в те границы, «красные линии», которые были установлены по инициативе «политиков морали» и представителей зарубежных диаспор.

Творческая интеллигенция и вернувшиеся эмигранты, стоявшие в основном на националистических позициях⁶, были нацелены на закрепление евроатлантического интеграционного вектора в качестве безусловного приоритета Латвии, Литвы и Эстонии в сфере внешней политики и безопасности. Именно в период массового присутствия «политиков морали» в органах власти реализован стержневой в рамках создания нового политического порядка принцип континуитета, преемственности постсоветской и досоветской государственности. В его основе — тезис о «прерванной» государственности стран Прибалтики в связи с их присоединением в 1940 году к Советскому Союзу. Представители зарубежных диаспор (в первую очередь из США, где действовали дипмиссии «в изгнании») настаивали на нормативном закреплении преемственности с довоенным временем⁷. В этих целях элитами Латвии, Литвы и Эстонии полностью или частично восстановлено досоветское законодательство, в том числе конституционное, отдельные политические партии и

⁵ В качестве повода после 2014 года нередко использовали их позицию по Крыму: так, поддержавший присоединение Крыма к России Э. Сависаар из некогда лидера Народного фронта Эстонии стал... «агентом» Кремля (подробнее см.: [22]).

⁶ Как отмечает А.И. Тэвдой-Бурмули, установлению этнократического режима содействовал характер пришедшей к власти в странах Прибалтики элиты: «Отсечение от политики русскоязычной части элиты было дополнено приходом в политику небольшой, но влиятельной эмигрантской части латышской и эстонской элиты, не имевшей никакого опыта коммуникации с русскоязычными и переносившими на них свое негативное отношение к СССР в целом» [34, с. 136].

⁷ В 1940—1991 годах миссии Латвии, Литвы и Эстонии действовали в США: в Вашингтоне (латышская, литовская) и в Нью-Йорке (эстонская). Литовские миссии сохранялись в Лондоне и Ватикане. В течение советского периода представители литовской, латышской и эстонской миссий входили в списки дипломатов при Госдепартаменте США [27, с. 177, 178].

иные значимые институты, проведена реституция собственности. Советский период официально маркирован как «оккупация», историческая и культурная «травма», имеющая отрицательные последствия в политике, экономике, в социальной и гуманитарной сферах [16; 24].

Создание структурных ограничений

В дальнейшем система элитного рекрутирования определялась «красными линиями» — структурными ограничениями, играющими ключевую роль в рамках нового политического порядка в странах Прибалтики. Спустя 30 лет после провозглашения независимости Латвии, Литвы и Эстонии на их политическую авансцену выходит очередное поколение политических элит.

Все больше его представителей не только не имеют опыта членства в компартиях или работы в органах власти в советский период, но и родились после распада Советского Союза. Однако по-прежнему, несмотря на прошедшие десятилетия, используются те же приемы внутривнутриполитической консолидации: если раньше речь шла об отмежевании от союзного Центра, то теперь о «российской угрозе». Не имея советского опыта, они становятся политическими наследниками тех, кто свое становление в качестве элиты основывал на борьбе с советским проектом⁸. Если лидеры укрепившихся в последние годы правопопулистских и тяготеющих к евро-скептическим (насколько это возможно в реалиях стран Прибалтики) политических сил и используют броскую риторику, то на идеологические опоры сложившегося политического порядка не посягают.

Преимущество с досоветской государственностью, евроатлантический вектор, натоцентричная система безопасности и фактор «российской угрозы» не были по существу оспорены ни экс-номенклатурой, ни прагматичным бизнесом. При активном участии «политиков морали» и выходцев из зарубежных диаспор⁹ они обрели роль институционального каркаса, несущих опор нового политического порядка, которые теперь определяют для очередных поколений элит пределы допустимого, формируя структурное ядро политического пространства в Латвии, Литве и Эстонии.

⁸ Кая Каллас, дочь бывшего номенклатурного деятеля, премьер-министра Эстонии, затем вице-президента Еврокомиссии Сийма Калласа возглавила в 2018 году Партию реформ, которую создавал ее отец. Габриэлюс Ландсбергис, внук лидера «Саюдиса» В. Ландсбергиса, свой мандат депутата Европарламента получил от деда, а затем благодаря ему же возглавил в 2015 году партию, которую дед создавал, — «Союз Отечества — Христианские демократы Литвы». Эти случаи не единственные, но и их достаточно, чтобы, глядя на современные элиты стран Прибалтики, вспомнить о классической формуле Г. Моска: правящие группы стремятся сохранить свою власть, передавая ее по наследству.

⁹ Наиболее известны случаи президентов: Латвии — В. Вике-Фрейберги, Литвы — В. Адамкуса, Эстонии — Т.Х. Ильвеса. Однако примеров гораздо больше, даже среди претендентов на пост президента, отметим некоторые: в Латвии — Г. Мейеровиц (сын главы МИД досоветской Латвии) и В. Паэгле (куратор музея «оккупации»), в Литве — С. Лозарайтис (сын главы МИД досоветской Литвы) и К. Бобялис (житель Флориды никак не хотел расставаться с гражданством США), в Эстонии — Р. Таагепера (известный политолог). Среди министров: в Латвии — Я. Ритенис, В. Павловскис, Н. Муйжниекас; в Литве — В. Дуденас, президентские советники С. Кондратас, Р. Межялис, Ю. Шмулкштис, Ю. Казицкис; в Эстонии — Х. Ребас, Я. Маницкий и т.д. Удельный вес эмигрантов, или — как они себя называли — «изгнанников», был скромным (в Латвии — 2,8%, в Литве — 4%, в Эстонии — 1,7%). Однако они, не имея численного превосходства, добились высших политических позиций и обрели статус опорного звена элитного рекрутирования, олицетворяя разрыв с советским периодом и стратегический курс на форсированную евроатлантическую интеграцию.

Огромное значение приобрел фактор истории. Историческая политика властных групп, выставляющая страны Прибалтики жертвами «двух тоталитаризмов», «нацистской и советской оккупации», регулярно используется как внешнеполитический инструмент, особенно на российском направлении¹⁰. Активная эксплуатация властными группами фактора «наследия прошлого» имеет и значимое внутривнутриполитическое звучание, позволяя элитам не только упрочить свои позиции, но и найти буквально любому негативному явлению в жизни современной Латвии, Литвы или Эстонии удобное объяснение¹¹.

Все «красные линии», дополненные инструментом секьюритизации, тщательно оберегаются с использованием при необходимости аппарата государственного принуждения. Персональное измерение политической борьбы утрачивает в странах Прибалтики свое значение по сравнению с годами обретения независимости. Личность конкретного политика (даже на высших позициях) становится не так важна; его действия, как и властных групп в целом, определяются прокрустовым ложем данной структурной обусловленности.

Фактор России: внешние и внутренние эффекты

После присоединения к евроатлантическим институтам политические элиты стран Прибалтики утратили прежний идейный заряд, который мог бы служить целям внутривнутриполитической консолидации. «Возвращение в Европу» было достигнуто¹², и местные общества сполна ощутили все плюсы и минусы, которые несет с собой участие в ЕС и НАТО. Эрзац-вариантом новой «большой идеи» стал конфликтный подход к России. Элиты Латвии, Литвы и Эстонии сделали свои государства не «мостом», «посредником» между Востоком и Западом, а странами «одного вопроса» — «экспертами» по «сдерживанию» России. Именно в духе «сдерживания» ими воспринята программа в рамках политики соседства ЕС «Восточное партнерство». Настойчивые попытки властных групп стран Прибалтики стать «маяками» демократизации на постсоветском пространстве и одновременно «привратниками», бдительно охраняющими «рубежи Запада», позволили элитам Латвии, Литвы и Эстонии претендовать в системе западной внешнеполитической субординации на нишу экспортеров западных ценностей.

¹⁰ Приход восточных европейцев в ЕС (в первую очередь стран Прибалтики и Польши) изменил подход к общеевропейской исторической политике, содействовал (через продвижение идей секьюритизации) дрейфу от нарратива общей вины к нарративу общей угрозы, уравниванию нацизма и коммунизма, формированию аргументационной базы для выдвижения претензий к России. Роль элит стран Прибалтики в наблюдаемых изменениях значительна. Подробнее см.: «Историческая память — еще одно пространство, где решаются политические задачи». Дискуссия в редакции // Россия в глобальной политике. 2020. Т. 18, № 18. С. 59—80.

¹¹ «История и память становятся не просто инструментом политической борьбы, они формируют повестку дня и ориентиры политического развития» [28, с. 73].

¹² По данному вопросу довольно быстро был достигнут внутривнутриэлитный, а затем и широкий общественный консенсус. Идейные колебания, характерные для первых лет независимости, были преодолены без особых сложностей. Как вспоминал один из авторов политической программы Народного фронта Латвии министр обороны Латвии Т. Юндзис (1991—1993, 1997—1998), «преобладали два противоположных направления — западное, с приоритетами ЕС, НАТО; восточное, с приоритетом хороших отношений с Россией. Хотя эти направления теоретически не являются взаимоисключающими, в действительности они абсолютно несовместимы» [9, р. 27].

Наибольшей активностью на данном направлении отличаются властные группы Литвы¹⁵. Именно в Литве в период доминирования «политиков морали» в структуре политических элит был принят Конституционный акт о неприсоединении к восточным постсоветским союзам (часть Конституции 1992 года), согласно которому республика «стремится развивать взаимовыгодные связи с каждым государством, ранее находившимся в составе СССР, однако никогда и ни под каким видом не присоединится к любым вновь создаваемым на основе бывшего СССР политическим, военным, экономическим или иным союзам либо содружествам государств»¹⁴.

В свою очередь, во многом благодаря «российскому вопросу» до сих пор сохраняется так называемое прибалтийское единство, хотя бы как идеологическая конструкция, разделяемая элитами трех стран. Траектории постсоветских трансформаций не раз делали Латвию, Литву и Эстонию конкурентами по экономическим, финансовым, инфраструктурным сюжетам — будь то строительство железнодорожной магистрали «Rail Baltic», торговля или так и не осуществленный проект совместного строительства атомной станции. Однако идея «сдерживания» России, взятая на вооружение властными группами стран Прибалтики, до сих пор удерживает их вместе, позволяя рассматривать Латвию, Литву и Эстонию как одновременно часть Евроатлантики и постсоветского пространства.

Если еще 15—20 лет назад обсуждалась идея превращения прибалтийских государств в «мост» между Европой и Россией¹⁵, то к настоящему времени она отошла на периферию [30]. Отметим, что падение российского транзита через прибалтийские порты — результат, но не причина подобного подхода¹⁶. Концепция «транзитного моста» фактически была свернута политическими элитами государств Прибалтики¹⁷.

Идею противостояния с Москвой как бывшим союзным Центром, определявшую политическую жизнь стран Прибалтики многие десятилетия, не стерли ни

¹⁵ Выделим роль выходцев из литовской диаспоры в США, оказавших значительное влияние на укоренение такого подхода к определению внешнеполитической роли Литвы. Важный вклад внес президент В. Адамкус. Привычную по его жизни в США идею «продвижения демократии на Восток» он воспринимал как своего рода «цивилизационную миссию», опирающуюся на историческое наследие Великого княжества Литовского, что и легло в основу внешней политики страны [8, p. 284; 10, p. 111].

¹⁴ Конституция Литовской Республики (принята гражданами Литовской Республики на референдуме 25 октября 1992 г., вступила в силу 2 ноября 1992 г.). URL: https://www.lrs.lt/home/Konstitucija/Konstitucija_RU.htm (дата обращения: 20.11.2019).

¹⁵ Президент В. Адамкус в своей инаугурационной речи в 2004 году говорил о миссии Литвы стать региональным центром притяжения и «соединить Восток и Запад» (*Inaugural address to the nation* by H. E. MR. Valdas Adamkus, President of the Republic of Lithuania. 12.07.2004. URL: <http://archyvas.lrp.lt/en/news.full/5116> (дата обращения: 14.05.2018)). В свою очередь, глава МИД Латвии В. Биркавс озвучивал концепцию стран Прибалтики как «янтарных ворот» деловой активности с участием России и США в данном регионе (*Birkavs V. Concluding remarks at the conference «Security and Prosperity in the Baltic Region»*. Riga. 1997. 17 November / Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Latvia. URL: <https://www.mfa.gov.lv/en/news/latest-news/speeches-and-interviews/4158-concluding-remarks-by-the-minister-of-foreign-affairs-dr-valdis-birkavs-at-the-conference-security-and-prosperity-in-the-baltic-region-riga-latvia-november-17-1997> (дата обращения: 14.05.2018).

¹⁶ Межевич Н.М. Цена сожженных мостов // Литовский курьер. 2015. 15 июля.

¹⁷ Rinkevics E.: Baltic states no longer a bridge between east and west, says Latvia // The Guardian. 18.03.2019. URL: <https://www.theguardian.com/world/2019/mar/18/baltic-states-no-longer-a-bridge-between-east-and-west-says-latvia> (дата обращения: 14.05.2019); Новый президент Эгилс Левитс: Латвия — не мост от России к Западу, она сама Запад // BBC News, Рига. 30.05.2019. URL: <https://www.bbc.com/russian/features-48451005> (дата обращения: 14.01.2020).

время, ни западные союзники, ни некогда тесная торговля и транзитные связи с Россией, ни переход под «зонтик» ЕС и НАТО. Форсируя «возвращение в Европу», элиты стран Прибалтики стремились не просто добиться формального присоединения к западным интеграционным институтам, но и окончательно порвать с Россией как с «не-Западом», подтвердив тем самым свою принадлежность «Европе». Старое противостояние сохранилось и в новейший период, трансформировавшись в конфронтационный внешнеполитический подход на российском направлении, который стал неотъемлемым элементом внутривнутриполитической жизни стран Прибалтики¹⁸. Для элит Латвии, Литвы и Эстонии, под руководством которых реализована евроатлантическая интеграция, Россия из раздражителя, напоминания о прошлой «травме», превратилась в качестве «источника опасности» в средство укрепления собственной субъектности на внутренней и внешней сценах [32].

Отказ от нейтралитета в начале 1990-х годов, противодействие значимым экономическим инициативам России в регионе («Северный поток») и попытки подрыва ее позиций на постсоветском пространстве («Восточное партнерство»), претензии на особое мнение в диалоге Россия — ЕС, наращивание на своей территории сил и средств НАТО укладываются в эту магистральную линию поведения. Осуществляется давление на «нелояльных» политических конкурентов («Партия труда» в Литве, «Согласие» в Латвии, «Центристская партия» в Эстонии), административно-пропагандистский прессинг в отношении местных нетитульных групп. Законодательно закрепленное желание элит стереть 50 лет советского опыта законсервировало основные расколы в обществах стран Прибалтики: языковой, этнический, проблему массового «негражданства»¹⁹. По оценкам Р.Х. Симоняна, элиты стран Прибалтики используют кризис на Украине «для дискредитации этнических меньшинств, прежде всего русских, для сведения политических счетов с оппонентами, которых теперь можно с еще большим общественным резонансом обвинить в связях с Россией, и как повод для усиления власти спецслужб» [29, с. 63].

Основные выводы

Трансформация властных групп Латвии, Литвы и Эстонии в целом завершена. Описанные выше структурные ограничения, инициированные властными группами первых пореформенных лет, оказывают влияние на последующие поколения элит и, несмотря на процедуры демократической сменяемости властных групп, позволяют удерживать господствующее положение сторонникам и наследникам тех политических сил, которые пришли во власть на заре независимости. Предприняты системные усилия по созданию с помощью тезиса о «русской угрозе» механизма воспроизводства элит и обеспечения лояльности основным идеологическим установкам, укреплению политического контроля. Вместе с тем эти установки сужают арсенал доступных элитам средств политического реагирования в связи с внешними и внутренними изменениями. Интерпретация различных «входящих сигналов» в основном через призму угрозы снижает потенциал элит по поиску адекватного ответа на меняющиеся вызовы.

¹⁸ Как отмечает В. Воротников, «трудно среди бывших советских республик найти государства, столь последовательно и неуклонно, нередко в ущерб собственному экономическому развитию, стремившиеся все эти годы к сознательному разрыву со своим прошлым и целенаправленной внешнеполитической и внешнеэкономической переориентации на Запад, — таковыми оказались три страны Балтии» [18, с. 134].

¹⁹ И.Н. Тарасов, рассматривая случай Латвии, утверждает, что этническая политика в долгосрочной перспективе направлена на формирование новой идентичности русских в Латвии — «еврососсыан» или «латвийцев» вообще и не имеет ничего общего с формированием целостной гражданской нации [33].

Кризисные тенденции в сфере легитимности властных групп, укрепление правопопулистских проектов, вызревание евроскептических идей на фоне искусственного нагнетания ситуации в сфере безопасности в странах Прибалтики свидетельствуют о постепенном исчерпании возможностей данной системы формирования и воспроизводства политических элит. Это осложняет решение вопроса о перспективах перехода от антагонистического подхода в российско-прибалтийском политическом диалоге к контактам, которые основаны на взаимных интересах и уважении.

Список литературы

1. *Antanaitis K.* Nomenklaturų transformacijos Lietuvoje 1988—1992 metais // *Darbai ir dienos*. 2008. № 49. P. 81—93.
2. *Best H., Higley J.* Introduction: Democratic Elitism Reappraised // *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives* / eds. H. Best, J. Higley. Leiden, 2010.
3. *The Palgrave Handbook of Political Elites* / H. Best, J. Higley (eds.). Palgrave, Macmillan, 2018.
4. *Bielinis L.* Prezidentė. Antra knyga. Kaunas, 2013.
5. *Elites, Crises, and the Origins of Regimes* / M. Dogan, J. Higley (eds.). Lanham MA, 1998.
6. *Edinger M.* Elite Formation and Democratic Elitism In Central And Eastern Europe: A Comparative Analysis // *Democratic Elitism. New Theoretical and Comparative Perspectives* / ed. J. Higley, H. Best. Leiden, 2010. P. 127—149.
7. *Janutiene R.* Raudonoji Dalia: nuslėptieji Dalios Grybauskaitės biografijos puslapiai. Vilnius, 2013.
8. *Jokubaitis A., Lopata R.* Lietuva kaip problema. Vilnius, 2014.
9. *Jundzis T.* Baltic States: Cooperation on Security and Integration into the European Security System. Riga, 1996.
10. *Laurinavicius C., Lopata R., Sirutavicius V.* Kritinis požiūris į Lietuvos užsienio politiką: kas pasikeitė nuo Augustino Voldemaro laikų? // *Politologija*. 2009. № 2. P. 91—122.
11. *Matonyte I.* Elito teorijos ir studijos sovietinėse ir posovietinėse visuomenėse // *Sociologija. Mintis ir veiksmai*. 1999. № 4. P. 44—59.
12. *Matonyte I.* Posovietinio elito labirintai. Vilnius, 2001.
13. *Norkus Z.* Parliamentarism versus Semi-Presidentialism in the Baltic States: the Causes and Consequences of Differences in the Constitutional Frameworks // *Baltic Journal of Political Science*. 2013. № 2. P. 7—28.
14. *Paas K., Krjutskova K.* Andrus Ansip — halva iseloomuga tark poiss. Tallinn, 2016.
15. *Wasilewski J.* Elite Circulation and Consolidation of Democracy in Poland // *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe* / eds. J. Higley, J. Pakulski, W. Wesołowski. N.Y., 1998. P. 163—187.
16. *Аарелайд-Тарт А.* Теория культурной травмы (опыт Эстонии) // *Социологические исследования*. 2004. № 10. С. 63—71.
17. *Быстрова А.С., Даугавет А.Б., Дука А.В. и др.* Институционализация политической элиты: источники рекрутирования и карьера // *Власть и элиты*. 2019. Т. 6, № 2. С. 24—66.
18. *Воротников В.В.* Евроатлантическая интеграция стран Балтии: некоторые итоги // *Современная Европа*. 2019. № 7 (93). С. 124—135.
19. *Гаман-Голутвина О.В.* Политическая элита — определение основных понятий // *Политика*. 2003. № 3. С. 97—103.
20. *Гаман-Голутвина О.В.* Политические элиты как объект исследований в отечественной политической науке // *Политическая наука*. 2016. № 2. С. 38—73.
21. *Гаман-Голутвина О.В., Клемешев А.П.* О локальном и глобальном измерении трансформации элит // *Политические элиты в старых и новых демократиях*. Калининград, 2012. С. 7—13.
22. *Ланко Д.А.* Постсоветская трансформация Эстонии: модернизация или мимикрия? СПб., 2016.

23. Максимцев И.А., Межевич Н.М., Королева А.В. Экономическое развитие государств Прибалтики и Северных стран: к вопросу о специфике экономических моделей // Балтийский регион. 2017. Т. 9, № 1. С. 60—78.
24. Матоните И. Политическое переосмысление советского прошлого: установки и действия литовских элит // Балтийский регион. 2013. № 3. С. 120—134.
25. Межевич Н.М. Государства Прибалтики 2.0. Четверть века «вторых республик». М., 2016.
26. Миллс Р. Властвующая элита. М., 1956.
27. Мьялсоо Л. Советская аннексия и государственный континуитет: международно-правовой статус Эстонии, Латвии и Литвы в 1940—1991 гг. и после 1991 г. Тарту, 2005.
28. Семененко И.С. Прошлое на переднем крае политической идентичности // МЭиМО. 2018. Т. 62, № 11. С. 65—76.
29. Симонян Р.Х. Страны Балтии и Россия в контексте украинского кризиса // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 9. С. 61—68.
30. Скачков А.С. Почему не состоялся прибалтийский «мост» между Россией и Евросоюзом? // Международная жизнь. 2015. № 10. С. 111—125.
31. Смирнов В.А. Политические элиты Латвии, Литвы и Эстонии: факторы рекрутирования и структурная динамика. Калининград, 2016.
32. Смирнов В.А. Прибалтийские государства: возможности и ограничения институционального регионализма // Современная Европа. 2019. № 6. С. 40—47.
33. Тарасов И.Н. Инструменты этнической политики в Латвии // Южно-российский журнал социальных наук. 2019. Т. 20, № 2. С. 34—44.
34. Тэвдой-Бурмули А.И. Этнополитическая динамика в субрегионе ЦВЕ Европейского союза: основные тренды и перспективы // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2019. Т. 12, № 4. С. 125—147.

Об авторе

Вадим Анатольевич Смирнов, кандидат политических наук, отдел социальных и политических исследований, Институт Европы РАН, Россия.

E-mail: VSmirnov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4270-356X>

THE TRANSFORMATION OF THE BALTIC COUNTRIES' POLITICAL ELITES: GENERAL AND SPECIFIC FEATURES

V. A. Smirnov

Institute of Europe Russian Academy of Sciences
11-3, Mokhovaya Str, Moscow, 125009, Russia

Received 06 June 2020
doi: 10.5922/2079-8555-2020-3-2
© Smirnov, V. A., 2020

This research focuses on the features and transformations of power groups and their role in the political life of the societies of the Baltic countries. This article aims to analyse structural and functional changes in the composition of the Baltic political elites after these countries

To cite this article: Smirnov, V. A. 2020, The transformation of the Baltic countries' political elites: general and specific features, *Balt. Reg.*, Vol. 12, no. 3, p. 26—39. doi: 10.5922/2078-8555-2020-3-2.

gained independence in the 1990s. The main objective of this research is to reveal the general and the specific in the transformations of Latvian, Lithuanian, and Estonian elites. Changes in the structure of power groups are considered on a sub-regional scale in view of the current Russian-Baltic political interaction. The common and distinctive features in the transformations of Latvian, Lithuanian, and Estonian elites are identified. Quantitative methods of analysis are used to detect trends in the selection of channels and mechanisms of elite recruitment. The study of power groups concentrated on both large-scale socio-political transformations and individual practices. A comprehensive examination of elite transformation in small states such as the Baltics requires the consideration of both domestic and foreign policy aspects. The thesis is put forward that despite some differences between the Baltic States their political elites have undergone very similar transformations since the 1990s. At the time, Baltic elites asserted continuity with pre-war Latvia, Lithuania, and Estonia and detachment from the Soviet past. The 1990s elite struggle for power led to sharp ethnic, linguistic and political divides in Baltic societies. These rifts limit competition between power groups and reduce the ability of political systems to renew themselves. Having reached the 'back to the West' goal, Baltic elites replaced it with the idea of 'Russian threat'. Bridging internal divides, which may weaken the power of the elites, was postponed as a result.

Keywords:

elites, power groups, Baltic States, Latvia, Lithuania, Estonia, transformation, Russia

References

1. Antanaitis, K. 2008, Nomenklaturės transformacijos Lietuvoje 1988–1992 metais, *Darbai ir dienos*, no. 49, p. 81–93 (in Russ.).
2. Best, H., Higley, J. 2010, Introduction: Democratic Elitism Reappraised. In: Best, H., Higley, J. (eds.), *Democratic Elitism: New Theoretical and Comparative Perspectives*, Leiden, Brill.
3. Best, H., Higley, J. (eds.) 2018, *The Palgrave Handbook of Political Elites*, Palgrave, Macmillan.
4. Bielinis, L. 2013, *Prezidentė. Antra knyga*, Kaunas, Knygius.
5. Dogan, M., Higley, J. (eds.) 1998, *Elites, Crises, and the Origins of Regimes*, Lanham MA, Rowman Littlefield.
6. Edinger, M. 2010, Elite Formation and Democratic Elitism In Central And Eastern Europe: A Comparative Analysis. In: Higley, J., Best, H. (eds.) *Democratic Elitism. New Theoretical and Comparative Perspectives*, Leiden, Brill, p. 127–149.
7. Janutiene, R. 2013, *Raudonoji Dalia: nuslėptieji Dalios Grybauskaitės biografijos puslapiai*, Vilnius.
8. Jokubaitis, A., Lopata, R. 2014, *Lietuva kaip problema*, Vilnius, Tyto Alba.
9. Jundzis, T. 1996, *Baltic States: Cooperation on Security and Integration into the European Security System*, Riga.
10. Laurinavicius, C., Lopata, R., Sirutavicius, V. 2009, Kritinis požiūris į Lietuvos užsienio politiką: kas pasikeitė nuo Augustino Voldemaro laikų? *Politologija*, no. 2 (54), p. 91–122.
11. Matonyte, I. 1999, Elito teorijos ir studijos sovietinėse ir posovietinėse visuomenėse, *Sociologija. Mintis ir veiksmai*, no. 4, p. 44–59.
12. Matonyte, I. 2001, *Posovietinio elito labirintai*, Vilnius, Knygai.
13. Norkus, Z. 2013, Parliamentarism versus Semi-Presidentialism in the Baltic States: the Causes and Consequences of Differences in the Constitutional Frameworks, *Baltic Journal of Political Science*, no. 2, p. 21.
14. Paas, K., Krjutskova, K. 2016, *Andrus Ansip — halva iseloomuga tark poiss*, Tallinn, Vaba Kiri OU, 352 p.
15. Wasilewski, J. 1998, Elite Circulation and Consolidation of Democracy in Poland. In: Higley, J., Pakulski, J., Wesołowski, W. (eds.) *Postcommunist Elites and Democracy in Eastern Europe*, New York, St Martin's, p. 163–187.
16. Aarelaid-Tart, A. 2004, Theory of culture trauma: case of Estonia, *Sociologischeskie issledovaniya*, no. 10, p. 63–71 (in Russ.).

17. Bystrova, A.S., Daugavet, A.B., Duka, A.V., Kolesnik, N.V., Nevskii, A.V., Tev, D.B. 2019, Institutionalization of the political elite: recruiting sources and careers, *Vlast' i elity*, Vol. 6, no. 2, p. 24—66 (in Russ.).
18. Vorotnikov, V.V. 2019, Euro-Atlantic Integration of the Baltic States: Some Results, *Sovremennaya Evropa*, no. 7, p. 124—135. doi: 10.15211/SOVEUROPE72019124135 (in Russ.).
19. Gaman-Golutvina, O.V. 2003, Political elite — definition of basic concepts, *Polis*, no. 3, p. 97—103 (in Russ.).
20. Gaman-Golutvina, O.V. 2016, Political elites as an object of research in Russian political science, *Politicheskaja nauka*, no. 2, p. 38—73 (in Russ.).
21. Gaman-Golutvina, O.V., Klemeshev, A.P. 2012, About local and global dimensions of elite transformation. In: *Politicheskie jelity v staryh i novyh demokratijah* [Political elites in old and new democracies], Kaliningrad, p. 7—13 (in Russ.).
22. Lanko, D.A. 2016, *Postsovetskaja transformacija Jestonii: modernizacija ili mimikrija?* [Post-Soviet Transformation of Estonia: Modernization or Mimicry?], Preprint M-53/16, SPb, Izd-vo Evropejskogo universiteta, 52 p.
23. Maksimtsev, I.A., Mezhevich, N.M., Koroleva, A.V. 2017, Economic Development of the Baltic and Nordic Countries: Characteristics of Economic Models, *Balt. Reg.*, Vol. 9, no. 1, p. 41—54. doi: 10.5922/2079-8555-2017-1-4.
24. Matonyte, I. 2013, Political reconsideration of the Soviet past: attitudes and actions of the Lithuanian elites, *Balt. Reg.*, no. 3, p. 86—97. doi: 10.5922/2079-8555-2013-3-9.
25. Mezhevich, N.M. 2016, *Gosudarstva Pribaltiki 2.0. Chetvert' veka «vtoryh respublik»* [The Baltic States 2.0. A quarter of a century of “second republics”], Moscow, Associacija knigoizdatelej «Russkaja kniga».
26. Mills, R. 1956, *Vlastvujushhaja elita* [Power elite], Moscow, Inostrannaja literatura, 543 p. (in Russ.).
27. Mjalksoo, L. 2005, *Sovetskaja anneksija i gosudarstvennyj kontinuitet: mezhdunarodno-pravovoj status Jestonii, Latvii i Litvy v 1940—1991 gg. i posle 1991 g.* [Soviet annexation and state continuity: Estonia, Latvia and Lithuania in 1940—1991. and after 1991], Tartu, Izd-vo Tartuskogo un-ta, p. 177—178 (in Russ.).
28. Semenenko, I.S. 2018, History on the frontline of identity politics, *World Economy and International Relations*, Vol. 62, no 11, p. 65—76. doi: 10.20542/0131-2227-2018-62-11-65-76 (in Russ.).
29. Simonyan, R.H. 2019, The Baltic states and Russia in the context of the Ukrainian crisis, *World Economy and International Relations*, Vol 63, no. 9, p. 61—68. doi: 10.20542/0131-2227-2019-63-9-61-68 (in Russ.).
30. Skachkov, A.S. 2015, Why the Baltic «bridge» between Russia and EU did not take place? *Mezhdunarodnaja zhizn'*, no. 10, p. 111—125 (in Russ.).
31. Smirnov, V.A. 2019, Foreign policy choice of the political elites of the Baltic states: Opportunities and limitations of the institutional regionalism, *Sovremennaya Evropa*, no. 6, p. 40—47. doi: 10.15211/soveurope620194047 (in Russ.).
32. Smirnov, V.A. 2016, *Politicheskie jelity Latvii, Litvy i Jestonii: faktory rekrutirovanija i strukturnaja dinamika*, Kaliningrad, 181 p. (in Russ.).
33. Tarasov, I.N. 2019, Tools of ethnic politics in Latvia, *Juzhno-rossijskij zhurnal social'nyh nauk*, Vol. 20, no. 2, p. 34—44 (in Russ.).
34. Tevdoi-Burmuli, A.I. Ethno-political dynamics in the CEE sub-region of the European Union: main trends and prospects, *Kontury global'nyh transformacij: politika, jekonomika, pravo*, Vol. 12, no. 4, p. 125—147 (in Russ.).

The author

Dr Vadim A. Smirnov, Department of Social and Political Studies, Institute of Europe Russian Academy of Sciences, Russia.

E-mail: vsmirnov@kantiana.ru

<https://orcid.org/0000-0002-4270-356X>